

что и подлинник. А это, разумеется, невозможно без учета языковых и внеязыковых аспектов, в том числе эмоционально-художественного воздействия текста на читателя. Поэтому в отличие от лингвистического научно-адекватный перевод, о котором идет речь, должен ориентироваться на три обязательные функции всякого художественного произведения: смысловую, эстетическую и эмоциональную. Без этого читатель не сможет воспринять и прочувствовать недоступное ему из-за незнания языка художественное произведение большого эмоционального звучания, каким является эпос.

Принцип адекватного перевода предусматривает сочетание творческого воображения с точным расчетом исследователя: ибо перевод всегда — и толкование подлинника, он не должен вызывать неясных или ложных представлений. При передаче художественного слова, обычно многозначного и метафоричного в традиционном эпосе, особое значение придавалось выбору такого русского слова в ряду синонимов, которое способно верно и емко передать семантику слова оригинала, определенную общим контекстом взаимосвязанных строк.

Однако верное толкование подлинника не ограничивается только подысканием языковых средств, способных адекватно выразить содержание оригинала. Оно предусматривает выход за пределы лингвистики¹. Наряду со знанием языка от переводчика требуется реализация знаний культуры, истории, быта и нравов народа, в среде которого создано произведение [7, кн. 4, с. 174—178; кн. 5, с. 219—225]. Это открывает единственно верный путь к полноценной смысловой передаче подлинника. Здесь переводчик и исследователь слиты воедино, что особенно результативно, когда, по словам Гёте, «необходимо добираться до того, что непереводаемо, и уважать это, ибо тут-то и скрыта ценность и своеобразие любого языка» [8, с. 441]. Точно также и при переводе «Манаса» приходится попутно осуществлять глубокую и тщательную текстологическую работу (с обращением к разного рода лингвистическим, историко-этнографическим и фольклорным источникам). Это в значительной мере способствует по возможности близкой передаче средствами русского языка специфики традиционных в эпосе образных приемов, устойчивых фразеологических оборотов типа постоянных «формул», идиоматических выражений, повторов, «общих мест», рефренов, образного параллелизма, метафор, сравнений, постоянных эпитетов, реалий и многого другого. А в тех случаях, когда традиционная образность либо может оказаться непонятной для русского читателя, либо к ней в русском языке невозможно отыскать параллелей, такие образные средства приходится «калькировать» и всякий раз пояснять в примечании к переводу, как и оставленные без перевода реалии, топонимы, этнонимы и иные термины.

Опыт двуязычного издания четырех книг «Манаса» практически реализует следующие обязательные условия адекватности перевода:

1. Процесс непрерывной работы с оригиналом (минуя подстрочник), в результате которой полнее раскрывается «фольклористический» смысл текста, полнее выявляются особенности стилевой структуры, ее функции.

2. Перевод осуществляется строка в строку без изъятия или добавления слов. Лишь в некоторых случаях вводятся в квадратные скобки отсутствующие в оригинале слова с целью уточнения смысла строки или правильной ее передачи сообразно грамматическим законам русского языка.

3. Комплексный подход к переводу: сочетание ясности, понятности с верностью стилю оригинала, его тональности. Последнее достижимо не путем подыскания якобы соответствующих в русском стихосложении размера и рифм, а передачу интонационного звучания, приближенного к ритмике импровизационного напевно-декламационного стиха подлинника, что обеспечивает некий «интонационный стержень», организующий взаимоотношение слов.

¹ Принцип адекватного перевода восточной классики, затрагивающий совокупность проблем — лингвистических, литературоведческих, культурно-исторических, психологических — был сформулирован академиком Н. И. Конрадом [7].